

УДК 394+392

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-60-65

Е. А. Пивнева

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Постсоветские практики (вос)производства этничности у коренных народов Западной Сибири¹

Аннотация. Как люди создают социальную среду для поддержания своей этнической идентичности вне «традиционного» образа жизни, в условиях «асимметричного» взаимодействия с инокультурным большинством? Этот вопрос исследуется в статье на примере Ханты-Мансийского округа – Югры. Делается вывод о том, что сегодня, в условиях утраты многих объективных культурных характеристик, этничность коренных малочисленных народов Севера поддерживается благодаря выделению специализированных видов интеллектуального труда и соответствующих социальных институтов сохранения, производства и трансляции этнокультурной специфики.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, этничность, социокультурная адаптация, этнические границы, историко-культурное наследие, маркеры идентичности.*

Введение

В проблемном поле постсоветской этнологии/социально-культурной антропологии одна из ведущих позиций принадлежит этничности. Однако, несмотря на обширный корпус посвященных этой теме исследований, понятия «этничность», «этническая группа» пока не нашли общепринятых определений. В вышедшем недавно фундаментальном энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика» чл.-кор. И. С. Семененко справедливо отмечает, что «споры между сторонниками конструктивизма (где основным маркером этнической группы выступают разделяемые ее членами представления о культуре, истории, общем происхождении), инструментализма (трактующего наличие общих интересов как основной отличительный признак этнической идентичности), и примордиализма (делающего упор на «природном» наличии общих признаков группы) продолжаются» [1, с. 448]. Исследователи отмечают, что сегодня «маятник» явно на стороне приверженцев понимания этничности как социально конструируемого и инструментально используемого феномена, как формы социальной организации культурных различий [2, с. 15]. При этом подчеркивается необходимость «синтеза разных исследовательских ракурсов» [1, с. 448] и признается, что «все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими» [3, с. 233].

В числе наиболее значимых теоретических положений, которые объясняют природу этничности, сохраняет актуальность разработанная норвежским ученым Ф. Бартом концепция этнической границы. Именно ментальная граница формирует этническую единицу, и возникает она на основе некоего набора

дифференцирующих признаков и ценностных ориентаций, которые могут меняться. Иными словами, важна не сама по себе (а может быть – не столько) культурная отличительность группы, а общность представлений ее членов о так называемых этнических маркерах, которые могут создаваться на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык и пр. Их значение и роль меняются в зависимости от исторической ситуации, от особенностей исторического окружения и многих других факторов. С унификацией культуры количество традиционных «этнодифференцирующих» признаков неуклонно сокращается, что, впрочем, компенсируется привлечением все новых элементов [2, с. 17, 44–45; 3, с. 231; 4, с. 58].

Некоторые из таких практик социальной деятельности, поддерживающих и производящих этническую идентичность коренных малочисленных народов Севера, рассмотрены в статье на примере Ханты-Мансийского округа – Югры (далее – ХМАО-Югра). Основная задача может быть сформулирована как выяснение специфики формирования этнической идентичности социальной группы в современных условиях урбанизации и «асимметричного» взаимодействия с инокультурным большинством. То есть меня интересует вопрос о том, как люди создают социальную среду для поддержания своей культурной (этнической) идентичности вне условий «традиционного» образа жизни [4, с. 62].

Объектом исследования являются коренные малочисленные народы Севера. В современных дискурсивных практиках коренные народы, как верно заметила М. С. Куропятник, так же как и другие социальные общности, сопряженные с категорией «этничность», представляются «то как статусные группы, то как «воображаемые сообщества», то как объективно существующие этносоциальные образования, для которых оказываются релевантными как объективные характеристики, набор которых может значительно варьировать, так и субъективные при-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски»). Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

знаки (групповое самосознание или идентичность). При этом парадигма используемых теоретических подходов – от позитивизма до конструктивизма – характеризуется большим разнообразием и крайней противоречивостью» [6, с. 162].

В чем специфика северных аборигенов? Культурные комплексы этих народов принято рассматривать как варианты оптимальной адаптации к суровой природе. Это касается и одежды, которая позволяет переносить самые жестокие морозы, и различных типов жилищ, отвечающих подвижному образу жизни, и средств транспорта, дающих возможность преодолевать многие километры по снежной тундре или извилистым рекам. Основой жизнедеятельности северян был так называемый присваивающий тип хозяйства (охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, отчасти – кочевое скотоводство). И сегодня одна из главных особенностей коренных малочисленных народов Севера, влияющая на характер этноидентификационных процессов в их среде, – сохранение традиционных систем жизнеобеспечения, прежде всего особых форм хозяйственной деятельности, связанных с природой [7, с. 3–17; 8, с. 136–142].

В ходе исторической эволюции адаптационный механизм культуры северных народов в значительной мере оказался «развернутым в сторону внешнего социального воздействия» [9, с. 43]. Они стали заложниками советской политики ускоренной модернизации, в результате которой произошли кардинальные преобразования традиционных отраслей хозяйства, приобщение к индустриальным видам труда, городскому образу жизни, резко изменились диапазон и структура общения, различные стороны семейно-бытовой сферы, нарушились традиционные формы социализации и т. п. [8]. Этническая идентификация этих народов стала определяться иными, чем ранее, критериями.

Одна из основных отличительных черт современной идентичности северных аборигенов связана с их особым правовым статусом. Согласно федеральному закону от 30 апреля 1999 г. № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», таковыми считаются «проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [10]. Распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р утвержден отдельный перечень коренных малочисленных народов, проживающих на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке РФ [11], далее – коренные малочисленные народы Севера, народы Севера, КМНС, северные аборигены. Государственная этнокультурная политика, создающая для этой категории российских граждан специальные права и социальные преференции (льготы), способствует формированию в их среде правовой (статусной, списоч-

ной) идентичности. При этом в ряде случаев правовой статус становится определяющим фактором этнической идентичности, а этнонимы, за которыми скрывается особая культура, теряют свое значение [12–16 и др.]. Симбиоз этничности с правом создает условия для возникновения особых ее форм, в которые также «вмонтированы» в иерархическом или бессистемном порядке другие – как более частные, так и более общие идентичности [17].

Следует согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что рациональное осмысление проблем этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера должно элиминировать стереотипное представление о них как об «однообразной социокультурной и политической массе, переживающей и решающей исключительно проблемы своей идентификационной уязвимости в условиях динамично развивающихся процессов современного полиэтничного общества» [18]. Хорошо известно, что подобного рода социальные сообщества внутренне неоднородны. Групповая лояльность и включенность в этнические сети в некоторых случаях может означать воспроизводство традиционного образа жизни и ценностей, а в других – новаторский процесс производства современных отношений и соответствующих современности (или постсовременности) культурных форм [19, с. 155]. В то же время нельзя отрицать, что полифония и борьба ценностей зачастую приводят человека к желанию обратиться к традиционным смыслам, в том числе закрепленным в культурной системе этнической группы. Не случайно в последние десятилетия наблюдается невиданный ранее интерес к своим «корням», к историко-культурному наследию, которое переосмысливается и используется в современных практиках «этностроительства». Некоторые из проявлений этих процессов рассмотрим далее на примере Ханты-Мансийского округа – Югры.

Случай ХМАО-Югры

Современный облик Западной Сибири – как социально-экономический, так и этнокультурный – во многом определяется развитием нефтегазовой промышленности и сопряженными с этим миграционными процессами. Примерно с середины 1960-х гг., когда этот край стал ареной активного нефтегазового освоения, началось массовое и «взрывное» заселение региона [20, с. 60]. В настоящее время в ХМАО-Югре проживают представители более 120 народов, при этом 82% приходится на три основные этнические группы – русских, татар и украинцев. В составе населения ХМАО-Югры принято выделять «коренные» народы (сформировавшиеся на этой территории) и «пришлые» (появившиеся там позже, уже как сложившиеся народы). Из них первые (ханты – 19 354 чел., манси – 10 392 чел., другие коренные малочисленные народы – 602 чел.) занимают в этнической структуре округа всего около 2%, при этом в региональной политике за ними признается особая «структурообразующая» роль [21].

Из немногим более 30 тыс. «коренных» традиционный образ жизни в границах территорий традиционного природопользования ведут около 3 тыс. чел. [22]. Этнические языки в условиях «асимметричного взаимодействия» утрачивают свою функциональную роль, поскольку вытесняются не только из производственной сферы, но и из бытового общения. В ходе переписи 2010 г. из 18 801 проживающих в ХМАО-Югре хантов владеющих хантыйским языком оказалось 3268 чел., русским – 18 757 чел. В числе 10 969 манси владеющих мансийским было 682 чел., русским – 10 966 чел. [23]. Сложившаяся ситуация способствует этническому смешению и распространению множественной идентичности у представителей коренных малочисленных народов Севера. Но, несмотря на формирование «измененной» идентичности, они, как было отмечено выше, стараются овладевать би(поли)культурными компетенциями без потери ценностей собственной культуры [24, с. 19]. Более того, опыт межэтнического общения обуславливает больший интерес к своей этничности. «Постоянный процесс противопоставления – символического или реального, прямого или непрямого, при помощи которого коренные отличают себя от большинства – является решающим фактором поддержания «непрерывных систем идентификации» („persistent identity systems“) и усиления существующих границ» [25, с. 171].

Как продуктивная стратегия адаптации к изменившимся социально-политическим условиям этничность стала осмысливаться народами Севера с конца 1980-х гг. Это было обусловлено новой общественно-политической обстановкой в стране, связанной с экономическим кризисом рубежа 1980–1990-х гг., крахом советской системы, а также наметившейся в последующие годы демократизацией общества. Этничность в тот период оказалась вовлеченной в новую для себя сферу практической политики. Лозунгами консолидации стали призывы к сохранению самобытности, языка и культуры, возврату к «корням». Народы Севера начали создавать общественно-политические объединения и все активнее заявлять о себе на международной арене, отстаивая свои права. Этнические лидеры созданной в 1989 г. в Ханты-Мансийском автономном округе общественной организации «Спасение Югры» провели большую работу в этом направлении и добились существенных результатов [26–29]. Особо стоит отметить, что активизация этнокультурного потенциала коренных народов в Югре, как и в ряде других сибирских регионов, во многом базировалась на сопротивлении нефтяному доминированию, ставшем мощным фактором роста этнического самосознания [30].

Институциональная среда (вос)производства этничности

К настоящему времени в округе сформировалась целая сеть общественных организаций, играющих определенную роль в символическом воспроизводстве обско-угорской этничности. Наряду с а-

социацией «Спасение Югры» к ним относятся: «Союз общин коренных малочисленных народов Севера», «Союз оленеводов-частников», «Союз мастеров традиционных народных промыслов», «Совет старейшин», «Молодежная организация обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа. В окружной Думе создан специальный институт представительства – Ассамблея коренных малочисленных народов Севера, деятельность которой содействует прохождению региональных законов, касающихся положения этих народов, финансированию различных программ по их социально-экономическому развитию, грантовой поддержке этноориентированных проектов и т. п.

В округе продолжают деятельность государственные учреждения, которые, как в советское время, ориентированы на поддержку художественной самостоятельности и народного художественного творчества. Вопросы, относящиеся к сфере культуры коренных народов Севера, находятся в ведении Департамента культуры ХМАО-Югры. Появился также ряд новых государственных структур, занимающихся вопросами коренных малочисленных народов Севера (Институт прикладных исследований и разработок, Югорский государственный университет, Театр обско-угорских народов и др.). Многие актуальные вопросы современной жизни обских угров находят отражение на страницах газет «Ханты ясанг» (на хантыйском языке) и «Луимасэрипос» (на мансийском языке), в репортажах государственной телевизионной и радиовещательной компании «Югория» [31].

В ХМАО-Югре создано множество «площадок» для диалога культур в партнерстве общественности с государством – межведомственные комиссии, координационные советы, рабочие группы, в состав которых входят представители коренных малочисленных народов Севера. Так, общественная организация «Спасение Югры» входит в состав 26 коллегиальных органов, среди которых: Совет при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по вопросам сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; Координационный совет по делам национально-культурных автономий и взаимодействию с религиозными объединениями при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; Общественный совет по реализации Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. и на период до 2030 г. при губернаторе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; Научно-координационный совет по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера автономного округа; Совет по грантам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры для реализации проектов и программ, способствующих сохранению, развитию, популяризации традиционной хозяйственной деятель-

ности коренных малочисленных народов Севера, этнографического туризма и др. [32].

Репрезентационный поворот

Сегодня мнение о том, что этническая самобытность северян должна реализовываться лишь в традиционных формах хозяйствования, соседствует с пониманием невозможности обеспечения в современном мире приемлемых условий существования только на базе традиционной модели, в различных ситуациях наблюдается функционирование социокультурных практик производства этничности в русле социального конструирования.

Одним из важных способов концептуализации коренными народами Севера своей культуры и идентичности в 2000-е гг. становится репрезентация – производство опосредованных образов этнической культуры, дающих представление об их «оригинале». С этой целью происходит творческий отбор определенных этнокультурных ценностей и их трансляция по существующим или создаваемым каналам. В ситуации межкультурной интеграции и размывания этнических границ подобная информация играет роль маркеров этничности (этнокультурной идентичности). При этом в репрезентационном поле наряду с аутентичными появляются всё новые формы и образы этнической культуры, являющиеся «продуктом» профессиональных занятий специалистов (ученых, представителей литературы и искусства и др.).

В современной системе культурной репрезентации условно выделяются различные уровни: массовый, кластерный, персональный, каждый из которых предполагает «особую специфичность репрезентативных образов» [33]. На массовом уровне современные репрезентационные практики «коренной Югры» во многом основаны на технологиях территориального маркетинга в русле функционирования региональных брендов. Этническая культура народов Севера на этом уровне типизируется и предстает в обобщенном виде. Она активно упаковывается в демонстрационные рамки, становится фоном для проведения праздников, спортивных соревнований и различных шоу (конкурсы красоты, показы мод и др.). Для популяризации идей этники широко используются современные интернет-технологии, выполняющие в глобализирующемся обществе множество важных социальных функций [34].

Наиболее широко образ «коренной Югры» (в котором ключевую роль играют коренные народы Севера) представлен в сфере этнографического туризма. Для распространения информации о туристском потенциале округа Управлением туризма Департамента промышленности Югры ежегодно изготавливается около 8 тыс. экземпляров печатной продукции: календарь событийных мероприятий автономного округа; путеводитель по Югре; каталог «Попробуй Югру на вкус»; иллюстрированный каталог «Югра»; открытки с достопримечательностями автономного округа; настольные и настенные календари. Существует тематический сайт «Туризм в Югре»

(www.tourism.admhmao.ru), сайт некоммерческого партнерства «Союз турпредприятий Югры» (www.ugra-tourism.ru) [35].

В ХМАО-Югре существуют также культурные практики, которые можно отнести к кластерному уровню этнической репрезентации. (В данном конкретном случае под «кластером» имеется в виду репрезентационное поле, складывающееся вокруг какого-либо этнически ориентированного проекта.) Реализация этнокультурных проектов, которые отличаются своим многообразием, происходит, как правило, при государственной поддержке в форме грантов. Один из примеров такого рода деятельности – музей под открытым небом «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск), сотрудники которого работают над проектами в области творческих индустрий, создавая креативные образы этнической культуры. Происходит поиск ритуалов, церемоний, других приемов, которые связывают обских угров с прошлым, а также нацелены на «рутинизацию» новых обрядов [36]. Отдельного внимания заслуживает своеобразный «кластер», складывающийся вокруг Медвежьих игрищ. Как сказала в одном из своих интервью Т. А. Молданова, «у нас до этого было ощущение, такой образ, что мы – волки-одиночки. Традиционные связи были нарушены, и люди с одинаковыми ценностями и установками были не связаны – тут один, там один. Надо было каким-то образом восстановить связи, общность, нужна общая идея. Такой общей идеей были и остаются до сих пор Медвежьи игрища» [37, с. 306].

В последнее время в гуманитарных науках утверждаются новые подходы, которые наряду с группой вводят в исследовательское поле индивида («этноличность»), его установки, поведение, отношение к реальности [38, с. 175–176]. По словам А. В. Головнева, который предложил для обозначения персонально мотивированной инициативы, направленной на активацию этничности, термин «этнопроект», сегодня «качество этничности находится в прямой зависимости от деятельности этноэлиты и генерируемых ею этнопроектов» [39, с. 142–148]. Персональный уровень репрезентации (вокруг определенной «этноличности») четко прослеживается и в ХМАО-Югре. Это проекты, посвященные истории угорских родов и отдельным людям («История семьи в истории страны. След прожитой жизни»), семейный театр М. К. Волдиной «Ёшак най», фотопроекты Р. К. Бардиной и А. Р. Иштимировой-Посоховой и многие другие.

Вывод

В современных условиях, когда объективная основа существования этнической группы (территория, специфика хозяйственной деятельности и пр.), а также многие традиционные социальные институты перестают играть «этноформирующую» роль, этническая идентификация стала определяться иными, чем ранее, критериями. Как верно заметил московский профессор В. В. Карлов, выработка этнических идентификаторов и их внедрение в массовое сознание «стали предметом профессиональных за-

нятий специалистов в своих областях, в том числе ученых, идеологов, представителей искусства и литературы и т. д. А функции этнокультурной идентификации сместились из области рефлексии по поводу этнически специфицированного способа адаптации в среде у доиндустриальных народов в область национальной (точнее, этнической. — Е. П.) культуры профессионального уровня с ее основными институтами (система образования, наука, литература, искусство, идеология). Идентификация стала сферой, так же как и другие профессиональные сферы эпохи модерна, подверженной разделению на производителей образов и идеологов, их распространителей и потребителей оных на массовом уровне. Иными словами, историческое сознание и самосознание народов тем самым стали все больше и больше зависеть от целенаправленного воздействия профессионалов в своих областях, [превращаясь] в феномены общественной жизни, подверженные целенаправленному конструированию. В этом отношении построения современных приверженцев конструктивистских концепций, следует признать, в немалой степени отражают данную сторону объективной реальности» [40, с. 469–473]. Таким образом, организация этнических идентичностей коренных малочисленных народов Севера (в данном слу-

чае ХМАО-Югры) основывается сегодня скорее не на объективных культурных характеристиках (или не только на них), а на результатах целенаправленных усилий заинтересованных акторов. Функции поддержания этничности берет на себя профессиональная интеллектуальная элита, выстраивающая этническую идентичность своей группы в партнерстве с государством.

Е. А. Пивнева

Post-Soviet practices of (re)production of ethnicity among the indigenous peoples of Western Siberia

Annotation. How do people create a social environment for maintaining their ethnic identity outside of the «traditional» way of life, in conditions of «asymmetric» interaction with the other cultural majority? This issue is investigated in the article on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. It is concluded that today, in the context of the loss of many objective cultural characteristics, the ethnicity of the indigenous minorities is supported through the allocation of specialized types of intellectual labor and the corresponding social institutions which maintain preservation, production and transmission of ethnocultural specificity. **Keywords:** indigenous small peoples, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, ethnicity, socio-cultural adaptation, ethnic boundaries, historical and cultural heritage, identity markers.

Источники и литература

- Семененко И. С. Этнополитический конфликт // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. Москва: Весь мир, 2017. С. 445–453.
- Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф. Барта. Москва: Новое изд-во, 2006. 200 с.
- Тишков, В. А. Этнология и политика. Москва: Наука, 2001. 240 с.
- Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. Москва: Изд-во МГУ, 2011. 376 с.
- Маслов Д. В. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60–82.
- Куропятник М. С. От сигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 161–173.
- Соколова З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // Советская этнография. 1991. № 4. С. 3–17.
- Пивнева Е. А. Мансийский опыт экосоциальной адаптации // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 136–142.
- Головнев А. В. Хозяйственно-культурные типы хантов и манси и культурная адаптация // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII. Москва, 1991. С. 43.
- Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Гарант. Законодательство — законы и кодексы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 12.09.2020).
- Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-17042006-n-536-r/> (дата обращения: 12.09.2020).
- Батьянова Е. П. Метаморфозы этнической самоидентификации (на примере телеутов) // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте. Москва; Нальчик, 1997. С. 148–161
- Шаховцов К. Г., Функ Д. А. О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею д-ра ист. наук З. П. Соколовой / отв. ред. Д. А. Функ, А. П. Зенько. Москва: ИЭА РАН, 2000. С. 310–324.
- Сирин А. А. Кто такие камчадалы и почему ты — один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / отв. ред. Е. А. Пивнева, Д. А. Функ. Москва: Наука, 2005. С. 85–107.
- Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. Москва: Наука, 2014. 407 с.

16. Маслов Д. Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60–82.
17. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. Москва: Наука, 2003. 764 с.
18. Батомункуев С. Д. Постсоветская этничность в перспективе гражданской интеграции. Автореф. дис... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2001. // disserCat – электронная библиотека диссертаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/postsovetskaya-etnichnost-v-perspektive-grazhdanskoi-integratsii> (дата обращения: 12.07.2020).
19. Низамова Л. Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII. № 1. С. 141–159.
20. Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973. 209 с.
21. О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа Югры до 2020 года и на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского Автономного округа – Югры от 22.03.2013 г. № 101-рп. // Экономика [Электронный ресурс]. URL: <http://e.120-bal.ru/ekonomika/12939/index.html> (дата обращения: 04.07.2020 г.)
22. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Постановление Правительства ХМАО-Югры от 26.05. 2011 г. № 138-п // Коренные малочисленные народы Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. URL: <https://kmns.admhmao.ru/dokumenty/hmao/300559/> (дата обращения: 12.09.2020).
23. Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 2101 с.
24. Сподина В. И. Влияние полиэтнической среды на содержание этнического «Я-образа» // Евразийский союз ученых. Исторические науки. 2016. № 4(25). С. 147–148.
25. Куропятник М. С. От сигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 161–173.
26. Соколова З. П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера России в условиях экономических реформ и демократических преобразований. Москва, 1994. С. 16–49.
27. Мартынова Е. П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 363–372.
28. Молданова Т. А. Деятельность ассоциации «Спасение Югры» по сохранению духовной культуры коренных народов // Сборник тезисов докладов междунар. конф. «Коренные народы. Нефть. Закон» (23–25 марта 1998 года, г. Ханты-Мансийск). Москва, 1998. 80 с.
29. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
30. «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / отв. ред. Д. А. Функ. Москва: ООО «Типография Демос», 2019. 312 с.
31. Пивнева Е. А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5(43). С. 85–89.
32. Отчет о деятельности Общественной организации «Спасение Югры» (2013–2015гг.). // Официальный сайт общественной организации «Спасение Югры» [Электронный ресурс]. URL: <http://spaseniueugry.ucitizen.ru/financial/> (дата обращения: 04.07.2020).
33. Васильева М. А. Репрезентация культурной идентичности в сети Интернет: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2017. // DsLib.net – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/reprezentacija-kulturnoj-identichnosti-v-seti-internet.html> (дата обращения: 04.09.2020).
34. Казанская И. А. Перспективы развития Казымской территории: роль Интернет-технологий // Казымские чтения: материалы науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. С. 49–54.
35. Пивнева Е. А. ЮГРА как бренд // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 140–148.
36. Пивнева Е. А. Музейные репрезентации обско-угорской этнической культуры (на примере Торум Маа // V Северный археологический конгресс. 11–14 дек. 2019. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. С. 427–429.
37. Лукина Н. В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: изд-во Томск. унта, 2002. 344 с.
38. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. Москва: Наука, 2003. 764 с.
39. Головнев А. В., Перевалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4. С. 142–148.
40. Карлов В. В. Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова / сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. Москва: Наука, 2011. С. 469–473.